

**«Gloriosa victoria».
К 300-летию победы Петра Великого при Лесной**

Отечественная историография реконструировала операцию против генерала А.Л. Лёвенгаупта на обширном актовом материале, компактно собранном Русским историческим обществом, а также на документах Петра Великого, русских военачальников и «Истории Свейской войны» – незаконченного труда, которым Пётр I хотел прославить военную историю своего царствования. Лучшая в дореволюционной историографии работа Н.Л. Юнакова была построена на этих источниках с учётом исследований Д.П. Бутурлина, Г.А. Леера, Д.Ф. Масловского, П.К. Гудим-Левковича, А.З. Мышлаевского, а также шведских трудов А. Гилленкрока (Юлленкрука), Г. Адлерфельда и А. Стилле. Советские историки Б.С. Тельпуховский, Е.И. Порфирьев, Л.Г. Бескровный в значительной мере повторили достижения прежней историографии. Академик Е.В.Тарле включил массу зарубежных источников в писавшуюся по жгучим следам войны 1941–1945 гг. пристрастную работу «Северная война и шведское нашествие на Россию». В 2006 г. бурную судьбу Карла XII описал Б.Н. Григорьев, полноценно владеющий комплексом шведских источников и литературы¹. Не замеченными отечественной историографией остались дневники каролинцев (боевые спутники Карла XII), опубликованные в Швеции в начале XX в., которые позволяют уточнить военные операции Северной войны.

В связи с тем, что большинство документов походной канцелярии А.Л. Лёвенгаупта погибло под Лесной, шведские историки строили описание сражения на его тенденциозных мемуарах, написанных в русском плену ради оправдания, а также на подробных дневниках лейтенанта Уппландского полка Ф. Х. фон Вайе (ум. в 1713 г.) и прапорщика Хельсингского полка Р. Петре (1681–1725).

Можно отметить поразительную стойкость русской и шведской историографии при оценке военных операций. Отечественные историки подчёркивали безошибочность русского командования и закономерность побед в Северной войне. Шведы до сих пор объясняют все поражения сочетанием роковых случайностей, непогодой, местными трудностями и численным перевесом противника, но не его мужеством и военным искусством.

Официозный историограф Карла XII камергер Г. Адлерфельд, писавший о сражении при Лесной со слов А.Л. Лёвенгаупта, сочинил, что 6 000 шведов отбросили 40 000 царя; утверждал, что основные потери случились не в бою, а от холода, болот и дикого леса на пути от Лесной до Пропойска². Шведские историки XIX в. тоже указывали, что русская победа заключалась только в захвате транспорта, но поле сражения и честь остались за А.Л. Лёвенгауптом, который как Ксенофон при «анабазисе», привёл к цели голодное войско³. Историк К. Халлендорф и Генеральный штаб Швеции в труде «Карл XII на полях битв» отстаивали ту же позицию: А.Л. Лёвенгаупт не был разбит и поле боя осталось за шведами, Пётр I не смог отсечь его корпус от Карла XII и довольствовался слабым преследованием⁴. В конце XX в. квалифицированный шведский историк П. Энглунд, обобщив прошлые достижения, повторил почти то же самое: «Долгое сражение... продолжалось целый день, а когда мрак опустился на поле, шведы всё ещё удерживали деревню. Только когда синие мундиры под покровом ночи попытались потихоньку ускользнуть с поля брани, всё пошло наперекосяк. В кромешной тьме возникли сумятица и беспорядок... Русские праздновали то, что случилось, как свою большую победу»⁵. Напротив, его соотечественник П. Фром в 2007 г. написал, что поход А.Л. Лёвенгаупта был оплачен

слишком большой ценой и уцелевшие после сражения солдаты не прибавили сил королю⁶. В 2005–2007 гг. в Стокгольме генерал в отставке Е. Лют и архивариус А. М. Ленандер-Фельстрём в сотрудничестве с московским исследователем П.В. Коновальчуком обработали для издающейся в 2008 г. книги о сражении при Лесной несколько десятков уникальных протоколов комиссии, проводившей допросы дезертиров, бежавших из-под Лесной в Прибалтику. (За советы и предоставление части протоколов, что оказало большую помощь при данной работе, автор выражает Е. Люту и П.В. Коновальчуку искреннюю признательность и благодарность.)

Кроме 35-тысячной главной армии Карла XII в сторону Москвы должна была идти курляндская группировка графа А.Л. Лёвенгаупта, штатная численность которой по официальной сводке 2 марта 1708 г. насчитывала 16 тыс. чел., включая военных судей, писарей, интендантов, штабных, нестроевых, пасторов и подмастерьев.

Старшие офицеры не пылали желанием уходить от прибалтийских очагов на «край света». «Невозможно вообразить, как тяжело мне пришлось при подготовке похода даже в июне от назойливости офицеров, которые хотели под разными предложениями уйти в отпуск и остаться. Дело дошло до того, что мне стали предлагать взятки», – сокрушался А.Л. Лёвенгаупт. Однако многие другие рассчитывали на поживу в России. В поход на восток пошло 8000 пехоты, 2000 кавалерии, 2900 драгун с 16 пушками. Кроме своих полковых повозок генерал загрузил 1300 фургонов для армии короля военными припасами, сухарями и прочим продовольствием, достаточными для её 6-недельного содержания. Помимо этого, к корпусу постепенно прилеплялись сотни телег маркитантов и евреев, надеявшихся погреть руки на продаже солдатам водки, пива и табака. Своего «неприкосновенного запаса» никто не имел права касаться, и солдаты на марше подчистую сгребали провиант и скот, подобно крымским татарам. «Все шастали из стороны в сторону, как цыгане... крестьяне бежали в леса со всем, что имели. Каждый начальник забирал всё, что мог. Могу прямо сказать, что беспорядок при нашем следовании был более скверным, чем отвратная дорога»⁷. В целом обоз графа вырос до чудовищного размера: семи или восьми тысяч повозок. Каждый полк гнал с собой стадо скота. Белорусский народ воспринимал еретиков-шведов как сатанинскую силу: «...где этот Люцифер со своим войском шёл... везде был голод и долгие годы неурожай на полях, поэтому крестьяне после них освящали свои пашни, кропили их святой водой и совершали молебны»⁸. Крестьянство в целом принимало мотивацию русского командования, приказывавшего прятать животных, людей и хлеб в лесах. И даже когда оставшийся фураж сжигался вместе с хатами, оно было на стороне русских, в отличие от помогавших шведам «чухонцев» Ингерманландии и Финляндии.

«Обжигание» 100–120-километровой полосы белорусской земли перед армией Карла XII стало действенным ответом на «тотальную войну» шведского короля. Кровавым поносом Пётр I заставил переболеть с июня всю отвратительно питавшуюся королевскую армию и, благодаря активным оборонительным мерам, свернул её с московского направления. Войско А.Л. Лёвенгаупта, не мучившееся дизентерией, царь, вынудил образить громадным обозом и снизить скорость движения до 6–8 км в день. На 600 км пути от Курляндии до Приднепровья было потрачено 2,5 месяца!

После поражения при Головчине 3 июля 1708 г. большой и богатый Могилёв не было времени ни готовить к обороне, ни сжигать, и 7 июля он был сдан на ограбление Карлу XII, который ждал там А.Л. Лёвенгаупта вплоть до 5 августа⁹.

3 сентября, узнав, что из Могилёва шведы продолжают вывозить «всякий харч» к Карлу XII, Р.Х. Боур предложил «выпалить» этот город. За 10 дней до подхода А.Л. Лёвенгаупта к Днепру 300 драгун и 500 казаков дали предупреждающий сигнал барабанной тревогой, приказали могилёвцам покинуть дома, дав час на сборы, и

сожгли город. Это обернулось большой бедой для славянского и еврейского населения, но А.Л. Лёвенгаупту пришлось свернуть севернее, к Шклову.

В середине сентября кризисная точка в ходе военных действий для России была пройдена. Король оповестил своего генерала, что уходит на Северщину, и предлагал, не ввязываясь в сражения, идти параллельным курсом вслед за ним. Роковой шаг к пропасти, предопределивший разгром курляндской армии, а через 9 месяцев и Карла XII под Полтавой, был следствием русской стратегии и активной обороны. «Я никак не мог подумать, что Его Величество уйдёт за Сож со всей армией, пока я не переправлюсь через Днепр и мало-мальски не окажусь вне опасности. Мне представлялось, что я наверняка пропаду со всеми своими войсками... Если бы я не имел точного приказа следовать за Его Величеством, то никоим образом не перешёл бы Днепр», – писал А.Л. Лёвенгаупт.

13 или 14 сентября царь собрал военный совет, на котором было решено не допустить соединения шведского генерала с Карлом XII. Исходя из случайных данных, полагали, что для расправы с 8-тысячным отрядом будет достаточен «летучий корпус» в 13 тысяч.

«Летучие корпуса» были татарско-русской традицией. Французским словом «*корволант*» Пётр I назвал известный на Руси «ертоул», куда набирались всадники с особой храбростью и решительностью. Такой авангардный отряд наносил первый удар, а в преследовании окончательно добивал бегущих. Пётр I включил в *корволант* лучшие полки России: Преображенский, Семёновский. Ингерманландский и батальон Астраханского полка (всего 10 батальонов пехоты, посаженных на коней, – 5149 чел.), конный Лейб-регIMENT А.Д. Меншикова и 9 драгунских полков (7792 чел.), из которых восемь бились вместе со светлейшим князем в победном сражении при Калише 18 октября 1706 г.¹⁰ Отказ пополнить *корволант* конными полками Р.Х. Боура, Н.Ю. Инфлянта и другими следует признать ошибкой: из-за этого половина шведов после поражения при Лесной добралась до короля.

При отсутствии широкой войсковой разведки и русские, и шведы делали ставку на местных проводников, языков и шпионов, которых использовали и для дезинформации. Когда 21–22 сентября А.Л. Левенгаупт совершал сложную переправу через Днепр, «летучий отряд» *летел* на 33 км севернее за Днепр к Орше и потом собирался спускаться по правобережью до Быхова¹¹. Это случилось благодаря ложному сообщению одного из «шпигов». 4 шведских колонны ходко, по 4 мили (24 км) в день, пошли по широким полям Заднепровья в пределах видимости друг друга. *Корволанту* пришлось пуститься в погоню. На шведов поначалу нападали только вырвавшиеся вперёд партии, а по мере приближения к неприятелю удары наращивались. 24 сентября большой конный разъезд «сел на хвост» шведскому арьергарду, А.Л. Лёвенгаупт ускорил движение и 26 сентября от узкого и опасного паса у реки Белицы ускакал вперёд весь обоз.

В тот день на широких полях у деревни Сучицы¹² «хорошим ровным строем» на шведов стали наседали 4 000 драгун генерал-лейтенанта Г. Пфлюга. Конной пехоты и артиллерии при них не было – те отстали далеко позади. А.Л. Лёвенгаупт выставил линию кавалерии, за ней в низине – две линии пехоты с пушками. Открытые поля давали шведам преимущество: развернуть полный боевой порядок. Можно было подстеречь весь *корволант* и, пользуясь равенством сил, разбить его в привычном для каролинцев линейном бою. Однако, строго следуя приказу не ввязываться в сражения, шведский генерал недолго преследовал русских. Возможно, А.Л. Лёвенгаупт надеялся, что проскочит днепровско-сожское междуречье даже с громадным транспортом¹³. Но соревнование гужевого обоза с «летучим корпусом» было заведомо проигрышным. «И в 26 день... передовые партии со арьергардиею бились и взяли языков, от которых

подлинно уведомились, что [шведов] 16 тысяч». Пленные передали ложное сообщение о «скорой помощи короля» А.Л. Лёвенгаупту. Русские же «языки» якобы сказали шведам, что за Г. Пфлюгом спешит корпус в 20 000 кавалерии и 12 000 пехоты.

26 сентября «воинская дума» решала, нападать ли меньшинством на большее число шведов или ждать корпус Р.Х. Боура (5 000) и пехотную дивизию Н.Г. фон Вердена (6 000). До реки Сож было три паса, где можно было сдержать шведов: на реке Ресте, у селения Лесного и у Пропойска. За Сожем для А.Л. Левенгаупта и Петра I начиналась зона контроля Карла XII, который на самом деле с 25 сентября по 10 октября находился далеко – в 140 км, у Костеничей и Мглина. Решили ждать Р.Х. Боура не больше двух дней и в любом случае ударить по противнику 28 сентября.

БОЙ НА РЕСТЕ. 27 сентября царь встревожился. Он полагал, что, пройдя 25 км, шведы окажутся к ночи 27/28 сентября у пропойской переправы. Отряду Р.Х. Боура было предписано, «несмотря на урон лошадей и на труд людей», в ночь с 27 на 28 сентября соединиться у Пропойска с *корволантом*. Чтобы не выпустить неприятеля за Сож, Пётр I приказал Р.Х. Боуру выслать за левый берег этой реки тысячу драгун вместе полковником Ф.И. Фастманом. Им в ночь на 28 сентября следовало окопаться против Пропойска. От себя он туда же выслал 786 драгун Невского полка полковника-шотландца Кемпбелла.

С утра 27 сентября у деревни Долгие Мхи перед речкой Рестой авангард погони попытался отсечь хвост корпуса. Хельсингский полк, Абосский батальон и несколько пушек под командованием помощника А.Л. Левенгаупта генерал-майора Б.О. Стакельберга открыли огонь с высокого правого берега Ресты по погоне и помешали ей навести мост днём. Попытка пройти через топь не удалась. К этому времени подоспела часть конной артиллерии Петра I, которая обстреливала противника из пяти полковых орудий с 12 до 16 часов дня.

А.Л. Левенгаупт, оставив на выгодной позиции арьергард, мог бы уйти к Пропойску. Однако было уведено всё: обоз, скот, потом кавалерия и, наконец, вся пехота. Под прикрытием тумана колонна втянулась в лес и 9–10 часов шла 12 км «до рокового Лесного». Около 16 часов передовые части дошли до небольших полей вокруг деревни Лесной. Это село-деревня, окружённое болотами и лесом, не считалось глухоманью. Оно стояло на перекрёстке путей в Пропойск (12 км), Кричев (около 55 км) и на прямом тракте в Могилёв (около 60 км).

Корволант на реке Ресте ещё не собрал всех сил и задержался на левом берегу реки, пока сапёры ночью не навели два моста.

Русские войска издавна применяли засеки против неприятелей. Части Н.Ю. Инфлянта ещё в июле–августе 1708 г. завалили дорогу к Пропойску как минимум на двух верстах вековыми соснами, подрубленными на высоте человеческого роста и не совсем отделёнными от пней. Все они были повалены вершинами к неприятелю. Чтобы расчистить путь до Сожа, А.Л. Левенгаупт выслал команду, но засека оказалась настолько непроходимой, что утомлённые люди, недолго помахав топорами, доложили, что по дороге можно пройти. «Но они справились с работой очень плохо, особенно возле болота у Лесной, где был узкий мост. [...] Так как я прибыл туда поздно вечером в полной темноте, очень усталым и изнурённым, то не мог сам проверить», – нескладно оправдывался граф, имевший возможность послать для проверки любого из офицеров. **Лесные баррикады фатально сказались на перемещениях шведов во время и после сражения.**

Попытка параллельного преследования русскими конными партиями была замечена и тревога шведов усилилась: как пробиваться вперёд, одновременно обороняясь с тыла?

Для *корволанта* нападение на шведов с флангов через леса и болота было невозможным. Однако был вариант перекрыть выход на поля вокруг Пропойска всем 5-тысячным отрядом Р.Х. Боура, быстро набросав фашинные укрепления, и хотя бы на сутки, задержать шведов ложными выпадами с тыла до подхода дивизии Н.Г. фон Вердена. (К Лесной он мог прийти днём-вечером 29 числа.) Таким образом, к 30 сентября *корволант* мог бы надеяться на полную ликвидацию корпуса А.Л. Лёвенгаупта. Но царь, помня о прошлой славе шведов и не желая рисковать, стягивал к себе оба корпуса, и Н.Г. фон Вердена, и Р.Х. Боура, отказавшись намертво «закупорить» шведскую колонну между Пропойском и Лесной. 28 сентября Р.Х. Боур ответил, что «з Божиею помощью» ударит по обозу у Лесной, а не станет заходить спереди от Пропойска¹⁴. В ночь на 28 сентября Пётр I приказал Ф.И. Фастману стоять насмерть у Сожа и «держатъ неприятеля до последнего человека под потеряннем живота»¹⁵.

Может быть, только к ночи весь *корволант* подобрался к деревне Долгий Мох. Перед сражением, произошедшим накануне заморозков, всю ночь дождило, и русским, как и шведским солдатам, пришлось вытерпеть промозглую сырость и острый холод. Дремать пришлось не больше четырёх часов.

Последние каролинцы добрались до Лесной в первом-втором часу ночи 28 сентября. Расположиться как следует в темноте было невозможно, и последним пришедшим пришлось устраиваться без палаток на поле скошенной ржи. Кавалеристы коней не рассёдывали. Стада скота под охраной солдат загнали под деревья. Всё поле перед деревней было сплошь забито войсками, фургонами и лошадьми. Самым уязвимым местом на большаке к Пропойску был мост, переброшенный через заболоченное русло речки Леснянки за левым флангом шведского лагеря. При его захвате шведы оказывались в мешке. Мост подправили, но не расширили. Кожаные понтоны остались лежать на телегах без дела. Отказ от устройства дополнительных переходов через топь (даже учитывая нехватку времени и усталость) следует признать шведской оплошностью.

А.Л. Лёвенгаупт отклонил предложение пройти оставшиеся 12 км до Сожа ночью с 27 на 28 сентября и оторваться от погони. Отказавшись давать бой 26 сентября в хороших, а 27 сентября в сносных условиях (на Ресте), он вынужден был пойти на сражение в стеснённой местности. С безнадежным запозданием офицерам приказали уменьшить вдвое свой личный багаж и разломать пустые повозки. Однако многие, нарушая приказ, перебросили своё имущество на обозные фуры.

Ночью перед сражением и в первой половине дня 28 сентября живая сила противников была одинаковой. *Корволант* насчитывал 12 941 чел. По показаниям пленных, захваченных после битвы, в шведском корпусе было: рейтарской кавалерии – 2450, драгун – 2800, пехоты – 8250, всего 13 500 чел.¹⁶. Ф.Х. фон Вайе подсчитал на 2 тысячи меньше – 11 450 чел. Правильнее можно принять промежуточную численность, указанную Р. Петре – 12 950 чел. Против 16 шведских гвардейская бригада Петра Великого имела 19 3-фунтовых пушек, драгуны – одиннадцать 2–3-фунтовых пушек, а также седельные мортирцы. Боеприпасов и пропитания обе стороны имели в достатке. Полевая и строевая выучка русской армии, особенно гвардейских полков, стала не ниже, чем в любой европейской. О них А.Л. Лёвенгаупт отозвался так: «Я, даже будучи их противником и против воли познакомившись с ними, тоже должен воздать им хвалу и сказать, что никакая другая нация не держится в бою лучше, чем эти полки»¹⁷.

Командовал *корволантом* цвет русской армии во главе с лучшим стратегом и полководцем Петром Великим и его сподвижником – властным генералом от кавалерии и калишским победителем А.Д. Меншиковым. Последний, как и государь, обладал

даром вдохновлять воинов, что резко повышало шансы на победу. Как и у шведов, значительная часть командного состава состояла из немцев с хорошей боевой подготовкой. Офицеры были предупреждены: «... которые на бою уступят место неприятелю, почтутся за нечестных и в числе людей счисляемы не будут, и таковых в компании не принимать и гнушаться их браку»¹⁸.

Пара А.Л. Лёвенгаупт – Б.О. Стакельберг в 1708 г. уступала в военном мастерстве и Карлу XII с фельдмаршалом К.Г. Реншэльдом, и Петру I с А.Д. Меншиковым. Потомственный аристократ 49-летний осмотрительный А.Л. Лёвенгаупт в 1703 г. одержал победу над слабым, хотя и вчетверо превосходящим, войском стрельцов, ополчением смоленской шляхты и литовскими хоронгвьями у деревни Салаты (лит. Салочай на реке Муше в 65 км к югу от Елгавы). В 1704 г. он разбил при городе Якобштадте (латв. Екабпилс на Даугаве) вдвое большее количество стрельцов и литовцев; в 1705 г. победил при равных силах драгун и солдат Б.П.Шереметева у Гемауэртгофа (на реке Свете в 30 км к югу от Елгавы). После побед над полурегулярными войсками он получил чин полного генерала. Вместе с тем многие из шведского офицерского корпуса признавали его излишне нервным, и мнительным. Генерал-фельдмаршал К.Г. Реншэльд вообще считал графа тяжёлым шизофреником. Меланхолия и склонность к мрачным мыслям не повышали достоинства генерала как полководца.

Остзейский барон из Ревеля Б.О. Стакельберг (1662–1734) служил в 1688–1690 гг. в Нидерландах, участвовал в нескольких походах и осадах во Франции, а также в сражениях под Нарвой, на Двине, под Якобштадтом, Биржами и Гемауэртгофом. Скорее он, чем А.Л. Лёвенгаупт, мог считаться «отцом-командиром», так как всегда заботился о солдатах и называл их «сынками». Боеспособность и боевой дух противников в целом были одинаковы. (Зенит боевого духа воинов романовской империи был ещё впереди, в 1770 – 1814 гг.). Физическая усталость погони, может быть, и была сильнее, но установка на разгром неприятеля была предпочтительней, чем цель шведов спасти обоз.

Ради национальной славы армии всех времён и народов преувеличивали численность и потери врага, сложность местности и преуменьшали свои силы. Р. Петре писал, что у Лесной сражались 4300 шведов против 18 000 русской гвардии. Ф.Х. фон Вайе писал о 30 тыс. русских, Г. Адлерфельд и Т.Г. Бьельке утверждали, что 6 000 шведов у Лесной целый день удерживали натиск 30 000–40 000 московитов. Большинство корреспондентов в Европе давали численность шведов в 14 000, а русских – 24 000. С подачи шведской пропаганды, в гамбургских и митавских газетах в ноябре 1708 г. «московитская сила» была взвинчена до 50 000¹⁹. Меньше, всего на 3 тысячи, преувеличивала численность шведов русская сторона.

Сражение развернулось на разделённом редким и узким перелеском поле размером 1,5 x 2 км. К северу от перелеска, ближе к деревне Лопатичи, поле было меньшим. Лес вокруг тесного поля, подобно редутам, мог прикрывать русских, шведы же были лишены свободы маневра: их тыл с юга и юго-запада охватывало топкое русло реки Леснянки.

В Северной войне, в том числе и в сражении у Лесной, при общей линейной тактике противники сражались, имея разные военные традиции и приёмы. Со времён Густава II Адольфа шведы до совершенства отладили линейные порядки. Победным приёмом каролинцев был первый сокрушительный удар, который ломал противника. Вести бои за вагенбургом, деревьями или редутами они не собирались, хотя за ночь и утро 28 сентября можно было навалить фашины и забросать их землёй, как было сделано Петром I под Полтавой. «Против армии московитов шведы презирали

окапываться, и такая самонадеянность стала причиной их поражения»²⁰. В России же был наработан опыт боёв из-за укрытий, частоколов, таборов и лесов.

В день баталии оба войска поднялись одновременно. В глухую темень, в 4 часа утра²¹ *корволант* в непросохших от ночного дождя одеждах поднялся из Долгих Мхов. От деревни Лопатичи перемещались двумя пятитысячными конными колоннами. По большаку шёл А.Д. Меншиков, Пётр I вёл колонну по сомнительному пути сквозь чащобу и топи. Помочь провести по нему два гвардейских полка, Астраханский батальон, а также триецких, владимирских и нижегородских драгун вызвался белорусский крестьянин. «О полудни в удобное место», то есть на открытое малое поле перед Лесной, колонна царя была выведена в сторону левого фланга шведов чуть позже, чем полки А.Д. Меншикова. Казаки в это время уже обошли позицию шведов сквозь чащобу. Тогда же, с 4 часов утра, к Пропойску ушёл шведский авангард из 400 кавалеристов и 300 пехотинцев. После богомолья, проходившего с 6 часов утра, началась эвакуация полковых фургонов и стад с левой стороны шведского лагеря. Опасаясь круживших повсюду казаков, для охраны повозок (если верить А.Л. Лёвенгаупту) от каждого из 13 полков, 6 эскадронов и отдельных батальонов было выделено по сотне солдат – всего 1600 человек. Вместо возниц полковыми провиантскими подводами правили, как обычно, 1300 солдат и кавалеристов. От каждого полка (и даже от артиллерийской команды в 50 чел.!) были отряжены пастухи для овец, коз, коров, а также коноводы для офицерских лошадей. Неизвестно, какая часть обоза успела уйти до боя (возможно, треть или половина). Если бы генерал А.Л. Лёвенгаупт не успел этого сделать, то сумятица на забитом повозками и людьми поле была бы невообразимой.

Баталию при Лесной Пётр дополнил противостоянием у Пропойска, заставив разделить силы противника и считать, что тот взят "в два огня". Через несколько часов после ухода авангарда шведское командование получило известие, что по обеим берегам Сожа «в полной боевой готовности» стоит неприятель, а некоторые его партии продвигаются по сторонам большака на Пропойск. Находившийся в нервном состоянии А.Л. Лёвенгаупт, приказал авангарду стоять на месте, но при атаке врага биться до последнего. Вероятно, около 7 часов утра на помощь авангарду он отправил крупный отряд – пехотный Бьёрнеборгский полк, эскадрон карельских драгун, драгунский полк Шрейтерфельта, Аболенский кавалерийский полк, эскадрон драгун подполковника Г.Р. Скуга и нюландский батальон (всего 2806 чел.). Этим сил хватило бы, чтобы сбить небольшой отряд Ф.И. Фастмана. Однако, с трудом одолев часть пути за 5 часов, подмога застыла в лесу и составила длинный вагенбург из повозок. Даже когда загремела канонада, эта часть не двигалась, ожидая приказа вернуться, который дошёл только в 13 часов²². Вину за то, что «казаки и калмыки» были приняты за крупные силы, А.Л. Лёвенгаупт с себя снимал: «Обманутый этим ложным донесением, я не мог думать иначе чем о будущей атаке противника спереди и сзади». Так Пётр I, послав в обгон (пусть неудавшийся) полковника Кэмпбелла и казаков, а также поставив заслон у пропойской переправы, выключил из сражения около 4 тысяч каролинцев вплоть до 16–17 часов вечера.

«Первый жар». План Петра I предусматривал фронтальный натиск к деревне. О фланговом ударе справа к мосту через Леснянку не думали, возможно, из-за непроходимости места. Часть сил была оставлена на караулах в обозе, для obsługi полковых хозяйств, для охраны нескольких тысяч лошадей, в том числе и коноводами. Не приняли участия в сражении неслужащие: денщики, извозчики, писари, плотники и кузнецы, а также татары и мордва, ухаживавшие за конями в гвардейской бригаде. Фурманки и часть одноколок были оставлены на опушке малого поля в полутора–двух километрах к югу от Лопатичей. Сражение началось между 11 и 12 часами дня²³.

Первой из негустого леса с большака на малое поле стала вытягиваться колонна А.Д. Меншикова. Затем начала выдвигаться колонна царя. До боя у А.Л. Лёвенгаупта было несколько часов, поэтому необъяснимо, почему военный профессионал, зная, что с минуты на минуту его атакует многотысячный враг, упустил утро для построения боевой линии. Вряд ли он надеялся, что русские ограничатся, как 26 и 27 сентября, только короткими налётами. Положенного по уставу вагенбурга заблаговременно не сделали – там и сям поодаль от деревни стояли кучи фургонов с поднятыми или опущенными дышлами. Невдалеке от деревни стоял Хельсингский полк подполковника Х. фон Брюкнера (1100 чел.), полк самого генерала А.Л. Лёвенгаупта (700 чел.) и Аболенский батальон (500 чел.). Справа находилась отдельно кавалерия и подполковник Й. фон Ментцер с пехотным аррьергардом. Остальная пехота с пушками в беспорядке стояла на левом крыле.

Б.О. Стакельберг и генерал-адъютант Ф.Г. Кнорринг с безнадёжным запозданием спешно сортировали у моста повозки и заставляли бросать телеги тех, у кого их было больше нормы.

В русских источниках нет сведений, что рискованный выход из леса (*дебуширование*) прикрывали казаки или артиллерия. (Егерей в то время ещё не существовало.) Как только царь увидел приближение шведов, он приказал авангардным драгунам Кемпбелла отбить неприятеля. Тот послал два спешенных эскадрона навстречу шведам, чтобы обеспечить выход остальных войск²⁴. Шведский генерал-адъютант К.А. Синклер писал, что русские частично уже **выстроились с пушками впереди в первой линии**, пытаясь сразу же пойти с пехотой вперёд и удержать инициативу²⁵.

Первый удар шведов, по словам А.Л. Лёвенгаупта, заставил отступить Невский полк и бросить 2 пушки. Кинув в атаку против А.Д. Меншикова только несколько батальонов, шведский командующий не знал, что по лесной дороге выдвигается колонна царя. А.Л. Лёвенгаупт был не робкого десятка, но никогда вопреки уставу не бросался вперёд, подобно Карлу XII. Вперёд в атаку он (в соответствии с уставом) посылал других, назад же вместо того, чтобы послать адъютанта, граф ускакал сам.

Пётр I на помощь невским драгунам отправил два батальона ингерманландцев (1610 чел.), семёновцев и преображенцев с плотно набитыми мушкетами. Сила первого залпа, который смёл левую часть шведских батальонов, была «похожа на гром молнии и поразила даже старейших шведских офицеров» (Й.Х. Бенеке). «Второй батальон Хельсингского полка был совершенно разбит, так что мало кто из посланных вернулся. Подполковник был убит, а знамёна потеряны. Увидев это, неприятель совершил поворот и дал такой залп им в спину, от которого солдаты повалились, как трава под косой, после чего он преследовал их, пока оставался хоть один человек»²⁶. Гвардейский натиск был столь стремительным, что ни А.Л. Лёвенгаупт, ни Б.О. Стакельберг, ни раненый генерал-адъютант К.А. Синклер не могли остановить бегство пехоты, бросившей не только две русские, но и две своих пушки. «Некоторые, не дав ни залпа, особенно полк П. Банера, которым командовал подполковник, был так растерян, что не знал, что делать, и бежал, сбившись в кучу, как стадо овец»²⁷. Шведов отбросили почти на километр к их фургонам. Четыре роты побросали свои знамёна. Как вспоминал А.Л. Лёвенгаупт, русские драгуны в это время напускались на фланги и чуть ли не в тыл обоза. В горячем состоянии шведский командующий «с резкостью спрашивал, кому поручить и приказывать вести батальоны к лесу, чтобы помочь тем, кто ещё держался в упорном бою»²⁸.

Первый ошеломляющий удар был нанесён русскими, а не шведами, боевой дух которых упал. Пётр I выиграл завязку боя. А.Л. Лёвенгаупт писал: «После того, как наша пехота один раз отступила назад, она уже не хотела снова так же смело

атаковать»²⁹. Русские войска, переходя примерно в 13 часов на большое поле, раздвигались в две линии вокруг опушки леса вместе с полковыми орудиями. В километре от них приводила себя в порядок шведская линия, расставляя пушки посередине строя. Фургоны растянули вокруг деревни в виде широкой буквы «П».

ГЛАВНЫЙ БОЙ продолжался с 13 до 19 часов вечера с перерывом между 15 и 17 часами. Русский и шведский боевые порядки в сражении не могли быть строго выдержаны. При атаках и отступлениях части перемешивались и меняли позиции. **С начала битвы и до 16 часов против 9000 шведов³⁰ сражались примерно 10 000 русских воинов: «Не крася, но истину пишу... что нас не было десяти тысяч в сборе»,** – писал с места сражения Пётр I 29 сентября.

Иных приёмов, кроме встречного боя, шведы не знали и до 15 часов пытались контратаками сбить русских с поля. В грохоте и густом дыму шведы и русские смещались вперёд и назад, не доводя дело до рукопашной. Смертельное побоище, по сути, расстрел друг друга, происходил иногда чуть ли не в упор. Обе стороны, проявляя огромное мужество, принимали в лицо картечь и свинцовые пули.

Бой в залесённом месте не мог быть классически линейным, и русское командование стихийно воспользовалось преимуществами строя, похожего на рассыпной. Каролинцы писали, что пока действовали их орудия, русские несколько раз оттеснялись в «лес». Мушкетные и артиллерийские залпы, гремевшие из-за кустов и деревьев, как стена останавливали и конницу и пехоту шведов, – в их уставах не было прописано о наступлении расчленёнными порядками. Как только шведы выкатывались из зоны огня, батальоны Петра I шли вперёд, усиливая напор: «В лесу противник получал преимущество и поддержку от своей стойко державшейся пехоты и многих пушек, с которыми он не выходил на поле, но всегда бил от леса» (А.Л. Лёвенгаупт).

Анализируя сражение, Пётр I в «Регулах, которые при баталии предостережены быть имеют», указал на огрехи первой половины «главного боя»³¹. Драгуны прорывались к флангам вагенбурга и, рассыпаясь, заходили в тыл шведам. При «излишней горячности» их не удавалось остановить и повернуть, чтобы ударить в спину оставшимся без кавалерии каролинцам. Случалось, что эскадроны не линией, а кучей бросались на шведских кавалеристов «без указа... токмо увидя, что другие пошли на неприятеля». Потеряв строй, драгуны оттеснялись шведской конницей совсем в сторону от русской пехоты, после чего солдаты, беспорядочно паля, отступали к лесу. Хотя временные «уступления» ни разу не переходили «в побег», Пётр I остерёг, чтобы инфантерия «цельнее стреляла и не страшилась, когда нашу конницу сорвут, ибо может паки поправитца кавалерия».

Сбивчивость первой половины боя сказалась и в том, что задние батальоны пехоты, случалось, без приказа начинали движение за передними. Кавалерийские фланги иногда действовали вразнобой и мешкали с оказанием помощи пехоте. Если рядовые какой-либо части отступали, то вместе с ними отходили и офицеры, тогда как надлежало «генералам и офицерам остаться при тех, кои устоят, хотя конные при пехоте или пехотные при коннице». У Петра I сложилось даже впечатление, что в чистом поле шведы могли бы выиграть бой: «...ежели б не леса, то б оныя выиграли»³². Вот почему «Регулы» царь заключил строжайшим наставлением: «Кто место своё оставит или друг друга выдаст и бесчестный бег учинит, то оной будет лишён живота и чести». Возможно, главнокомандующий в дыму и грохоте кричал то, что утвердил в «Регулах»: «коль ближе к пушкам, толь меньше вреду и опасности от них». Эти слова не пропали даром: удары центра, левого и правого флангов были такой силы, что до перерыва в бою ещё 6 пушек было отбито у шведов. В целом же царь сверх меры

был доволен бесстрашием и выучкой своих питомцев, «которые ангельское, а не человеческое дело делали».

О громадном вкладе Петра I и А.Д. Меншикова в победу говорили посланцы в Москву: оба полководца не только возглавляли кавалерийские атаки³³, но, несмотря на град свинца, разъезжали из конца в конец линий и появляясь в самых опасных местах, своей волей нагнетали русский напор³⁴. Могилёвская хроника сохранила такие слова Петра I: «Радейте, братцы, Богу и государю!».

Ближе к 15 часам натиск Петра I стал настойчивее, пушки по его распоряжению выдвинули ближе к середине поля. Шведы вместе с оставшимися 8 орудиями, не теряя строя, стали подаваться к фургонам. **Равновесие нарушилось, и у корволанта стало складываться предчувствие победы.**

ФИНАЛ. Получив весть о скором подходе 4 тысяч драгун Р.Х. Боура (не менее 900 чел. тот прежде отослал с Ф.И. Фастманом), Пётр I прервал сражение. Соперники, выбившись из сил, прекратили взаимное истребление и сели в половине пушечного выстрела друг от друга (200–300 шагов). Во время передышки обе стороны оказывали помощь своим раненым, которые уходили к своим обозам. А.Л. Лёвенгаупт восстанавливал «полумесяцем» оборону вокруг Лесной, чтобы обезопасить себя с флангов и тыла³⁵. Охранявшие стада караулы, о которых было забыто, дисциплинированно простояли вне боя.

Между 16 и 17 часами на поле стала выходить колонна из восьми полков Р.Х. Боура. Шведы развернули оставшиеся 8 пушек и драгуны, пристраиваясь к левому флангу, понесли ощутимые потери от продольного огня. Только два полка Р.Х. Боура (возможно, из-за нехватки места) Пётр I перевёл на правое крыло. Хотя царь приказал, чтобы ни правый, ни левый фланги не начинали порознь боя, но левое крыло, где оказалось 6 новых драгунских полков, первым напало на правый фланг противника, прорвалось к фургонам и погнало оттуда шведов слева направо³⁶. Возможно именно тогда Р.Х. Боур был тяжело ранен в лицо и шею, замятво вытасчен из боя и оставался в беспомощности до 30 сентября. Чтобы взбодрить дух уставших воинов, Пётр I приказал играть военную музыку и развернуть полковые и ротные знамена³⁷.

Шведские контратаки ослабли. Р. Петре писал: «... когда мы с пехотой атаковали противника... нам ни разу не удавалось обратить его в бегство, потому что он после 3–4 залпов всегда отходил, не подпуская к себе нас со шпагами, штыками и пиками... Нам ни разу не удалось поразить в спину отходящих и прикончить отставших»³⁸.

Удар петровских гвардейских полков правого фланга оказался сокрушительным. Противника отбросили от моста и пути на Пропойск, прижав шведов к западной околице деревни. Часть оборонявшихся укрылась в избах и отстреливалась оттуда.

Разъезжавший всё время за своей линией А.Л. Лёвенгаупт не мог ничего сделать и оказался почти в окружении. Возможно, в это время его дважды легко ранили. Казалось, победа уже рядом. Но тут подоспело вызванное с дороги шведское подкрепление в 1377 чел. С 13 часов дня они почти 4 часа добирались обратно. Затем, оставив с фурами 150 кавалеристов и 100 пехотинцев, к Лесной ушёл и последний резерв численностью в 1429 чел. Выстроив их, Б.О. Стакельберг нанёс удар с фланга, оттеснил русских от моста и снова освободил путь к Пропойску.

День заканчивался – нужна была решающая атака Петра I, чтобы добить противника. О заключительном получасовом напоре шведы писали, что тот производился «с величайшей свирепостью». Это была одна из тех страшных штыковых атак, которых не знали рати XVII в. и которыми прославилась русская пехота с середины XVIII в.

От центра и до конца левого фланга неприятель оказался, по словам царя, полностью «разрушенным». Как и в течение всего сражения, здесь особой храбростью и распорядительностью отличился М.М. Голицын. Много шведов погибло, некоторые забились в деревенские сараи, немало раненых покинули поле сражения.

Свинцовые тучи разразились снегопадом, градом и ливнем, хлеставшими в лицо шведам. «Пики и штыки вонзались в нас прежде, чем мы могли видеть русских» – писал Ф.Х. фон Вайе. Солдаты рубились уже среди фургонов и никого в плен не брали. Последние 8 пушек каролинцы всё же успели оттащить назад. Как только заглохла шведская артиллерия, «стало страшно: русские орудия начали громить всё вдоль и поперёк, приведя в беспорядок наши войска, хотевшие снова собраться», – писал Й.Х. Бенеке. Капралу Э.Л. Смерпусту показалось, что их громили из 40–50 орудий. Возможно, Пётр I использовал и трофейные пушки. Только ночь и буря помешали окончательно добить левый фланг противника и отбросить его повторно от моста. Продлись световой день на полчаса дольше, для шведов наступила бы катастрофа, подобная полтавской. В половине седьмого в темноте загремели русские литавры и барабаны, давая отбой сначала на левом, а потом и на правом фланге. Отход прикрывался непрерывным огнём артиллерии уже в кромешной тьме и продолжался ещё долго.

Последний яростный штурм сломил каролинцев. У всех, тянувшихся в тыл, мнение было единым: «оттуда никто больше не спасётся»; «мы наголову разбиты» («so dasselbe totaliter ruiniret»). Полковой квартирмейстер М. Каммекер писал: «После нескольких стычек мы были отброшены, и, как только нас поглотила вечерняя тьма, мы тут же растеряли друг друга в густом лесу. Добрую милю нас преследовали калмыки, которые начали грабить обоз. Между 7–8 часами вечера я дошёл до оставленного авангарда, но там всё было в конфузии... Я спрашивал проходящих о генерале, они отвечали: «Бог знает, где он...». Генерал-квартирмейстер Й. Браск сказал мне: «Я искал генерала весь вечер, но не мог его найти, всё здесь плохо...». «Около 3 часов утра большинство из нас сели на лошадей, надеясь найти генерала, но никто не мог сказать, где он». **14-дневная охота корволанта окончилась полным разгромом шведов в «троечастном бою».**

В отличие от содержательного анализа сражения Петром Великим, мемуары А.Л. Лёвенгаупта лишь оправдывали поражение: «Весь день победа висела между нами на волоске и была почти уже нашей». Баталию «мы могли бы считать скорее выигранной... если нам было бы возможно на другой день снова сразиться с превосходящими силами противника», – так обелял себя шведский генерал³⁹.

Корволант вместе с полками Р.Х. Боура потерял 1111 убитыми и 2856 ранеными.

Если от первоначальной численности шведского корпуса в 12 950 чел. вычесть 877 попавших в плен, 1500 вернувшихся в Прибалтику и 6700 добравшихся до Карла XII (среди всех этих групп были и раненые), получится, что от Днепра до Стародуба погибло 3873 чел. – 30 % (среди них были умершие от ран по дороге). Часть раненых поднялась с поля к своим ночью и преувеличенная оценка потерь противника Петром I в 8 тысяч вполне понятна⁴⁰.

Как только А.Л. Лёвенгаупт убедился, что русские прекратили атаки, он распорядился уходить. С 9 часов вечера некоторые части начали перебираться через Леснянку⁴¹. Пётр I хотел держать все силы в кулаке и, учитывая (несостоятельную) возможность повторного удара противника, запретил солдатам под страхом повешения и офицерам под угрозой увольнения выходить грабить убитых⁴². Но казаки уже ночью преследовали отступающих по обеим сторонам дороги. Возможно, скрытному бегству

помогла очередная военная хитрость: шведы отгородили вагенбург от русских стеной огня, который, видимо, поддерживался ночью.

В то время как Пётр I настраивался на новый бой утром, шведы в полночь увозили пушки, затем уходила кавалерия, потом пехота и в последнюю очередь обоз. Среди обозных началась паника. На дороге пошла толкотня и давка. Офицеры потеряли управление войсками. Пронеслась молва, что впереди поджидают 16 тыс. русских, а сзади полным ходом снова напирает противник. А.Л. Лёвенгаупт, спасая уцелевшую живую силу, приказал бросать багаж и всё награбленное, выпрягать обозных лошадей и сажать на них пехоту. Побеждённые начали грабить своих торговцев, вышибать дно у бочек, глушить вино, водку и пиво и вспаривать мешки с продовольствием. Опьяневшие кучамя падали по дороге или бродили по лесу. Увязшие 8 пушек и зарядные ящики были брошены. «Ночь покрыла преступление. Кто хотел следовать за своим знаменем и ротой, тот пошёл, кто не хотел, тот засел в лесу и остался. Поэтому утром многие были перебиты калмыками, когда спали или были пьяны»⁴³. Ночь после поражения была самой кошмарной: «Зовы раненых, стоны умирающих, вопли отчаявшихся, призывы и крики заблудившихся – всё это могло... разжалобить самого твердокаменного»⁴⁴. Большая часть разбитой армии текла на юг, но разрозненные группы (в том числе офицеры, солдаты без ран и даже те, кто получил коней), дезертировали в обратном направлении – на Могилёв, Шклов и далее к Риге. Раненый А.Л. Левенгаупт ночью отбил от армии, стал кружить по лесу с частью свиты и настиг своих беглецов только утром 29 сентября. Как боеспособное соединение Курляндский корпус более не существовал.

Отряд Г. Пфлюга, посланный за бегущими, состоял из 1000 гренадер и 2000 драгун. Шведские обозные лошади несли седоков нескоро и в полумиле от Лесной были настигнуты драгунами и казаками. Вылавливая разбегавшихся из леса, их собирали в партии по сотне и отсылали в русский лагерь. Первые беглецы и остатки обоза появились у сожжённого Пропойска уже в ночь с 28 на 29 сентября. К утру 29 сентября на полях у Пропойска скопилось до 3 тыс. человек⁴⁵. Своими превосходящими силами шведы уже были не в состоянии прогнать драгун и казаков Ф.И. Фастмана. Около часу дня А.Л. Лёвенгаупт приказал, не дожидаясь остальных, уходить быстрее вдоль правого берега Сожа. Ф.И. Фастман послал разъезд на пять миль вниз по реке, оставив отряд в ретраншементе до нового царского указа. Примерно тысяча безлошадных, раненых и тех, кто ещё подбирался сзади, застряли у пропойской переправы. Появление Г. Пфлюга во второй половине дня вызвало у оставшихся переполох – измученные пехотинцы и раненые бросались в воду, но на другой стороне Сожа им грозила смерть от казаков. Около пяти сотен было зарублено.

Поздним вечером 29 сентября у Лесной появилась дивизия Н.Г. фон Вердена. Недовольный им царь передал его дивизию восстановленному в звании генерала А.И. Репнину. Князю приказали снова атаковать беглецов шестью подошедшими пехотными полками. И тут вымысел А.Л. Лёвенгаупта о «скорой помощи короля» обернулся его последней удачей. Царь не рискнул бросать полки под лапу северного льва и остерег, что преследовать можно не далее 2 миль. 30 сентября А.И. Репнин сообщил,

что А.Л. Лёвенгаупт ушёл от Пропойска больше трёх миль (18 км), вследствие чего он повернул свои полки обратно к Смоленску.

Как и 27 июня под Полтавой, о погоне за «обсечками» сразу всеми силами не думали и половина корпуса А.Л. Левенгаупта, «продержавшись» на конине и сырых корнеплодах 170 км пути, добралась до короля. Надо сказать, что наращивание победы преследованием в тот же день стало правилом с начала XIX в. Шведы тоже не преследовали противников после побед при Клишове 1702, Пултуске 1703, Гемауэртгофе 1705 и Фрауштадте 1706 гг.

Вечером у деревни Глинки, в 6 милях от Пропойска, отступающие вплавь и на плотиках перебрались через Сож. 10 дней и ночей без карт, почти без патронов и полкового хозяйства беглецы спешили через безлюдные леса и болота. От изнурения умирали не только раненые, но и здоровые. «И офицеры, и солдаты думали, что при таком скверном состоянии, в каком мы постоянно находились в пути, напоследок всё бы закончилось нашим полным крахом, продлись это ещё несколько дней»⁴⁶. Когда навстречу неожиданно попался «заблудившийся» 3-тысячный авангард королевской армии генерал-майора А. Лагеркруны, измученные и оборванные люди плакали: «В воскресенье для нас и отряда (Лагеркруны. – *В.А.*) провели богослужение, во время которого люди не сдерживали слёз от радости... Ведь мы не знали, куда идти: во всей армии не было ни одной карты, по которой можно было справиться, и не встречалось никого, кто мог бы указать направление»⁴⁷. Потеряв обоз, артиллерию, порох, все военные и продовольственные запасы, А.Л. Лёвенгаупт не усилил, а обременил главную армию заботой о пропитании и вооружении спасшихся остатков его корпуса. Беженцы внесли в армию короля первый синдром поражения. Карл XII отстранил А.Л. Лёвенгаупта от командования, его пехотные части были расформированы. Наука в Белоруссии глубоко поразила А.Л. Лёвенгаупта и через 9 месяцев, оставленный на берегу Днепра командовать 16 000 людей после Полтавской катастрофы, он счёл бессмыслицей сопротивляться русским победителям.

Сражение при Лесной было самым упорным за все годы Северной войны. В цепи русских полевых побед: Калиш (1706), Доброе – Раевка – Лесная (1708), Соколки – Опошня – Полтава (1709), Пелкине (1713) и Лаппола (1714), именно баталия в восточной Белоруссии дала сильную закалку русской армии и положила начало «великим успехам».

- ¹ *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 2002. С. 246–262; *Григорьев Б.Н.* Карл XII, или Пять пуль для короля. М., 2006.
- ² *Adlerfeld G.* Leben Carl des Zwölften, König von Schweden. Frankfurt; Leipzig, 1742. Т. 3. С. 136, 138.
- ³ *Lundblad K.* Geschichte Karl des Zwölften. Hamburg, 1840. Т. 2. С. 37, 38.
- ⁴ *Hallendorf C.* Karl XII och Lewenhaupt år 1708. Uppsala, 1902. С. 115–116; *Карл XII på slagfältet.* Stockholm, 1918. Т. 4. С. 511–513.
- ⁵ *Энглунд П.* Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995. С. 45.
- ⁶ *From P.* Katastrofen vid Poltava. Karl XII:s ryska fälttåg 1707–1709. Lund, 2007. С. 118–119.
- ⁷ *Lewenhaupt A.L.* Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse. Stockholm, 1952. С. 159.
- ⁸ Хроника Сурты и Трубницкого (Могилёвская хроника) // Полное собрание русских летописей. М., 1980. Т. 35. С. 274, 276.
- ⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого (далее – ППВ). М.; Л., 1948. Т. 8, вып. 1. С. 45.
- ¹⁰ *Артамонов В.А.* Калишская баталия 18 октября 1706 г. К 300-летию победы конницы генерала А.Д. Меншикова. М., 2007.
- ¹¹ ППВ. Т. 8, вып. 1. С. 156–157. 22 сентября Пётр I находился в пяти десятках километров от Шклова.
- ¹² По шведским записям у деревни Белицы. Эта ныне нежилая деревня находилась на правом берегу реки Реста на дороге Могилёв–Лесная, несколько южнее деревни Сучицы.
- ¹³ На тогдашних несовершенных картах-схемах стокилометровый путь от Шклова до Пропойска выглядел не длиннее 60 км. (*Гольденберг Л.А.* Картографические источники 18 в. о военных действиях в 1708–1709 гг. // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения: Сб. статей. М., 1959. С. 368).
- ¹⁴ ППВ. М., 1951. Т. 8, вып. 2. С. 732–733. Задним числом царь, может быть, сожалел, что не послал к Пропойску крупных сил. Об этом можно судить из объяснения по поводу небольшого числа драгун, посланных за Сож: «понеже чаяли Левенгопта в малом числе». (Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). М., 2004. Вып. 1. С. 287). Вопреки данному толкованию, уже 26 сентября были получены сведения, что шведов 16 000.
- ¹⁵ ППВ. Т. 8, вып. 1. С. 168.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. II. Кн. 10. Л. 454–455.
- ¹⁷ *Lewenhaupt A.L.* Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse. С. 184.
- ¹⁸ Труды императорского Русского военно-исторического общества. СПб., 1909. Т. 3. С. 275.
- ¹⁹ *Petre R.* Fänrik Robert Petres dagbok 1702–1709 // *Karolinska krigares dagböcker.* Lund, 1901. Т. 1. С. 166; *Weihe F.C.* Löjtnanten Fr. Chr. von Weihe's dagbok 1708–1712 // *Historiska handlingar.* Stockholm, 1902. Del. 19. № 1. С. 8; *Bielke T.G.* Ture Gabriel Bielkes hågkomster af Karl XII. Upsala, 1901. С. 61; *Blome A.* Das deutsche Russlandbild im frühen 18. Jahrhundert. Wiesbaden, 2000. С. 112.
- ²⁰ [*Defoe D.*] An impartial History of the Life and Actions of Peter Alexowitz, the present Czar of Muscovy. London, 1723. P. 205.
- ²¹ [*L[yth] J.H., von.* Des Großen Herrrens Czaars und Gross Fürstens von Moscau Petri Alexiewiz, des gantßen Grossen, Kleinen und Weissen Reußlandes Selbsthalters etc., etc., etc. Leben und Thaten, aus besonderen Nachrichten beschrieben. Frankfurt, Leipzig, 1710. Th. 2. С. 467, 469. Об авторстве И.Х. фон Лита см.: *Беснятых Ю.Н.* Петербург Анны Ивановны в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 277.
- ²² Показания полкового квартирмейстера М.М. Каммекера 6 мая 1709 г. – Riksarkivet, Stockholm. Militaria II. Kriget i Östersjöprovinserna och Ryssland. M.1378. С. 385–391 (Далее – RM II).
- ²³ Р. Петре писал, что русские начали «танец» в 10 ч. утра (*Petre R.* Fänrik Robert Petres dagbok 1702–1709. С. 165).
- ²⁴ [*L[yth] J.H., von.* Op. cit. Th. 2. С. 468.
- ²⁵ Överstelöjtnant Sinclairs egenhändig relation // *Historiska handlingar.* Stockholm, 1952. Del. 34. № 2. С. 270.
- ²⁶ *Petre R.* Fänrik Robert Petres dagbok 1702–1709. С. 166–167.
- ²⁷ *Lewenhaupt A.L.* Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse. С. 185.
- ²⁸ *Sinclair K.A.* Överstelöjtnant Sinclairs egenhändig relation. С. 271.
- ²⁹ *Lewenhaupt A.L.* Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse. С. 186.
- ³⁰ *From P.* Katastrofen vid Poltava. Karl XII:s ryska fälttåg 1707–1709. Lund, 2007. С. 104. А.Л. Левенгаупт вызвал от оставшихся при Лесной фургонов около тысячи человек.

-
- ³¹ ППВ. Т. 8, вып. 1. С. 6–13. Здесь «Регулы» датированы «1708, не ранее июля 3» и ошибочно отнесены к Головчинскому сражению.
- ³² ППВ. Т. 8, вып. 1. С. 183. – Пётр I Ф.М. Апраксину 6 октября 1708 г.
- ³³ Там же. С. 11.
- ³⁴ Мацьків Т. Гетьман Іван Мазепа в західноєвропейських джерелах 1687–1709. Київ; Полтава, 1995. С. 238. – Приложение к донесению австрийского посла О.А. Плеера из Москвы от 16 ноября 1708 г.
- ³⁵ *From P.S. Katastrofen vid Poltava. Karl XII:s ryska fälttåg 1707–1709.* S. 111.
- ³⁶ *L[yth] J.H., von.* Op. cit. T. 2. S. 470.
- ³⁷ *From P. Katastrofen vid Poltava. Karl XII:s ryska fälttåg 1707–1709.* S. 111.
- ³⁸ *Petre R. Fänrik Robert Petres dagbok 1702–1709.* S. 167. Видимо, в этот период боя лейтенант Р. Петре, отрядив четырёх мушкетёров, сквозными выстрелами смертельно ранил сидевшего на коне ландграфа дармштадского Фридриха, который находился между двумя линиями на правом фланге.
- ³⁹ *Lewenhaupt A.L. Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse.* S. 188, 203.
- ⁴⁰ А.Л. Левенгаупт написал, что его потери – 3 тысячи, русских – втрое больше. Р. Петре, вопреки генералу, полагал, что корпус потерял убитыми и пленными 6397 чел. (49%): из 2900 драгун оказалось в наличии после боя у Пропойска – 1749 чел. (потери 60%), из 2 тыс. кавалеристов уцелело 1303 (потери 65%). Потери 8-тысячной пехоты составили 4549 чел., то есть 57%. – *Petre R. Fänrik Robert Petres dagbok 1702–1709.* S. 171–172. Часть этих цифр следует отнести к дезертирам, которые растеклись по лесам, были перебиты казаками и белорусами или ушли в Ригу. По Ф.Х. Вайе, убитых шведов было около 2 тыс., пленных 1800 чел., русских же убито и ранено 10 тысяч.
- ⁴¹ Выписки из анонимного немецкого дневника от 30 октября 1708 г. до 25 февраля 1709 г. Здесь в «блистательной для шведов акции» русские при своём четырёхкратном превосходстве якобы потеряли 8 тыс. чел. – R М II. (без пагинации).
- ⁴² *L[yth] J.H., von.* Op. cit. T. 2. S. 470.
- ⁴³ *Weihe F.C. Löjtnanten Fr.Chr. von Weihes dagbok 1708–1712.* S. 9.
- ⁴⁴ Показания Й.Х. Бенеке. – R М II. (без пагинации).
- ⁴⁵ *L[yth] J.H., von.* Op. cit. T. 2. S. 472.
- ⁴⁶ *Petre R. Fänrik Robert Petres dagbok 1702–1709.* S. 182.
- ⁴⁷ *Ibid.* S. 183–184. Если бы не А. Лагеркруна, то А.Л. Левенгаупт «со своей расстроенной армией напоролся бы как раз на русские позиции у Почепа, где его ждала окончательная катастрофа». – *Стилле А.* Карл XII как стратег и тактик в 1707–1709 гг. СПб., 1912. С. 38.